

А.Э. Джоробекова, Е.Ф. Троицкий, С.М. Юн

ВОЗДЕЙСТВИЕ ВНЕШНИХ АКТОРОВ НА СОВРЕМЕННЫЕ ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Статья написана в рамках выполнения государственного заказа МИД Кыргызской Республики для программно-целевого финансирования на тему «Актуальные вопросы взаимодействия Кыргызской Республики с сопредельными странами».

Рассматривается влияние, оказываемое на современные интеграционные процессы в Центральной Азии внешними акторами: Россией, Китаем, Европейским союзом, США, Японией и Турцией. Анализируются основные внешнеполитические интересы и цели внешних акторов в регионе и соответствующие предпочтения в отношении форматов многостороннего взаимодействия в регионе, их политика в отношении интеграционных процессов в регионе (направления деятельности, задачи, используемые инструменты). Дается сравнительная оценка степени и характера влияния внешних акторов на интеграцию в Центральной Азии.

Ключевые слова: Центральная Азия, интеграция, Россия, Китай, Евросоюз, США, Япония, Турция.

Введение

Центральноазиатская региональная подсистема международных отношений находится в процессе формирования. Структурный каркас системы – полярность и социальная конструкция – остается несформировавшимся. Соответственно, несформированной остается и институционально-правовая надстройка системы: Центральная Азия является единственным регионом мира, где отсутствует региональная межправительственная организация комплексного сотрудничества. Незрелость региональной подсистемы обуславливает, в частности, высокий уровень проницаемости региональной среды для внешних воздействий. Цель исследования – определить характер и степень влияния ключевых внерегиональных акторов на направление и динамику интеграционных процессов в Центральной Азии.

В статье рассматривается влияние, оказываемое на региональные интеграционные процессы Россией, Китаем, Европейским союзом, США, Японией и Турцией. Для анализа взяты политика великих держав (определены по критериям, предложенным Б. Бузаном и О. Вэвером в фундаментальной работе «Регионы и державы: структура международной безопасности» [1. Р. 34–37]) и политика Турции, проявляющей высокую активность на центральноазиатском направлении. Теоретико-методологической основой анализа являются теория региональных комплексов безопасности и либеральный межправительственный подход к объяснению процессов межгосударственной интеграции [2].

Работа опирается на анализ широкого круга источников: официальных документов, выступлений, заявлений, интервью должностных лиц, новостных публикаций, – и значительного объема литературы, прежде всего экспертно-аналитических публикаций.

Россия

Интересы России в Центральной Азии имеют приоритетный характер, являются комплексными и вклю-

чают вопросы безопасности, политико-стратегические, экономические, гуманитарные аспекты.

Центральноазиатский регион воспринимается российскими властями как некое «естественное» продолжение зоны безопасности России. Во-первых, после распада СССР на территории Казахстана, Киргизии и Таджикистана остались многочисленные и важные с точки зрения обороноспособности страны военные объекты, которые Россия продолжает использовать. Среди них – даже элементы систем связи и предупреждения о ракетном нападении российских сил ядерного сдерживания [3]. Приоритетной для Москвы остается задача сохранения в долгосрочной перспективе права России на использование данных объектов на приемлемых для себя организационно-правовых и финансовых условиях. Во-вторых, Центральная Азия рассматривается как зона, из которой или через которую исходят серьезные трансграничные угрозы безопасности России: наркотрафик и связанный с радикальным политическим исламизмом терроризм. Особое значение в этом контексте имеет афганский фактор.

Российские власти также указывают на сохранение в странах региона, несмотря на большую миграцию, многомиллионного русскоязычного населения как фактор активности России. С учетом демографического кризиса в Российской Федерации власти заинтересованы в дальнейшем переезде русскоязычных в Россию, однако стремятся к обеспечению контролируемости этого процесса, предотвращению лавинообразной миграции вследствие социально-политической дестабилизации региона. В целом для борьбы с трансграничными угрозами в Центральной Азии Москвой ставятся такие цели политики в регионе, как сохранение социально-политической стабильности светских режимов, укрепление потенциала местных силовых органов, расширение присутствия Российской армии, пограничных сил и спецслужб, содействие экономическому развитию стран Центральной Азии.

Политико-стратегические мотивы Москвы в регионе определяются тем, что российская элита не без

оснований рассматривает Россию как великую державу, как один из полюсов желаемого многополярного мира, в котором решения принимались бы на основе компромиссов и консенсуса между всеми полюсами влияния, а не являлись результатом диктата стран Запада. В этом смысле политическое лидерство (и ответственность) России, в том числе в Центральноазиатском регионе, должно как демонстрировать ее международно-политические способности великой державы, так и мобилизовать сторонников российских подходов в международных отношениях, особенно на фоне стагнации, а затем и конфронтации в российско-американских отношениях.

Экономические интересы России в регионе носят вторичный характер, но тоже имеют значение. Российскому бизнесу традиционно интересен крупный рынок Казахстана – один из ключевых рынков для так называемого «несырьевого неэнергетического экспорта» России [4]. В последние годы заметно вырос интерес к открывшемуся при президенте Ш.М. Мирзиёеве и активно реформируемому рынку Узбекистана. С 2000-х гг. на фоне экономического роста и демографического кризиса в России трудовая миграция из Узбекистана, Таджикистана и Кыргызстана стала заметным фактором экономического развития России и важным аспектом ее отношений со странами региона.

Значимость, комплексность интересов России в Центральной Азии объясняют ее высокую дипломатическую активность и использование широкого круга и объема внешнеполитических ресурсов в регионе, которые должны обеспечить привилегированный характер отношений со странами. Политика выстраивания тесных двусторонних отношений дополняется курсом на укрепление и расширение пророссийских интеграционных проектов, нацеленных на постсоветские страны: военно-политического союза в рамках Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ; участники – Россия, Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Армения, Белоруссия), Евразийского экономического союза (ЕАЭС) в составе России, Казахстана, Киргизии, Армении и Белоруссии.

Власти Таджикистана вели предварительные, неофициальные переговоры с Москвой о возможности вступления в ЕАЭС, но стороны не договорились о «цене», т.е. об условиях и объемах помощи Таджикистану. Узбекистан дважды был участником ОДКБ, последний раз покинул блок в 2012 г., но сохранил двусторонний военно-политический союз с Россией. Нынешние власти Узбекистана отрицают планы очередного вступления в ОДКБ, однако активизировали военное сотрудничество, включая совместные военные учения, с Россией и другими странами ОДКБ на фоне прихода талибов к власти в Афганистане [5]. В декабре 2020 г. Узбекистан получил статус наблюдателя в ЕАЭС, вопрос о дальнейшем сближении с ЕАЭС (интеграция с ЕАЭС через создание зоны свободной торговли или членство в ЕАЭС) находится в стадии обсуждения. Туркменистан, провозгласив политику «позитивного нейтралитета», продолжает дистанцироваться от любых интеграционных форматов, предпочитая развивать связи на двустороннем уровне.

В программной статье президента В. Путина, опубликованной в газете «Известия» 3 октября 2011 г., Евразийский союз трактуется как «модель мощного наднационального объединения, способного стать одним из полюсов современного мира и при этом играть роль эффективной “связки” между Европой и динамичным Азиатско-Тихоокеанским регионом» [6]. Позднее, в контексте развития Евразийского экономического союза и его связей с третьими странами и региональными объединениями, российским президентом в 2015–2016 гг. был предложен концепт «Большой Евразии», или «Большого Евразийского партнерства», как более широкого интеграционного контура с участием членов ЕАЭС, других стран СНГ, стран Восточной и Южной Азии, Ближнего Востока, в перспективе – Европейского союза. Такое партнерство понимается как «сеть двусторонних и многосторонних торговых соглашений с разной глубиной, скоростью и уровнем взаимодействия, открытостью рынка, в зависимости от готовности той или иной национальной экономики к такой совместной работе, на договоренностях о совместных проектах в области науки, образования, высоких технологий» [7]. Встречаемый в научной литературе термин «Малая Евразия» в этом контексте можно трактовать как систему постсоветских интеграционных связей стран СНГ с Евразийским экономическим союзом в роли интеграционного ядра.

Альтернативные проекты экономической интеграции, предполагающие участие стран Центральной Азии, воспринимаются Россией негативно и активно тормозятся. В частности, российской дипломатией были отбиты попытки Китая создать зону свободной торговли в рамках Шанхайской организации сотрудничества. Взамен развивается система интеграционных связей с третьими странами в рамках ЕАЭС. Уже подписаны договоры о зоне свободной торговли стран ЕАЭС с Вьетнамом, Сингапуром, Сербией, ведутся переговоры с Египтом, Израилем, Ираном, Индией, работают совместные исследовательские группы по изучению целесообразности заключения соглашений о свободной торговле с Индонезией и Монголией [8, 9].

В долгосрочном плане Россия продолжает курс на укрепление российскоцентричных интеграционных объединений с участием стран Центральной Азии в качестве механизмов регулирования отношений как между Россией и странами региона, так и между этими странами и другими внерегиональными игроками.

Китай

Для Китая соседний Центральноазиатский регион имеет большое, все более возрастающее значение в сферах безопасности, экономики и внешней политики.

Во-первых, страны Центральной Азии традиционно интересны для Пекина с точки зрения нейтрализации так называемых «трех зол»: сепаратизма, терроризма и религиозного экстремизма, которые, по мнению Пекина, подрывают социально-политическую стабильность в соседнем для стран региона Синьцзян-Уйгурском автономном районе (СУАР) Китая. Для китайских властей важна как широкая дипломатическая поддержка

в противовес критике стран Запада за нарушение прав человека в СУАР, так и практическое взаимодействие спецслужб Китая и стран Центральной Азии для борьбы с группировками, выступающими против официальной политики Пекина в СУАР.

Во-вторых, значительный интерес для поддержки экономики Китая, в особенности экономики СУАР, представляет рынок стран Центральной Азии: как источник природных ресурсов (прежде всего нефти и газа, но не только); как рынок сбыта китайских товаров и услуг, включая экспорт китайских технологий и рабочей силы; как транзитная логистическая зона для сухопутных поставок китайских товаров через Центральную Азию в Белоруссию, Украину, страны Закавказья, Европы, Средиземноморья, Ближнего Востока. Приоритетный характер имеют задачи обеспечения доступа для китайских инвесторов в проекты добычи природных ресурсов, обеспечения благоприятных правовых, организационных условий для китайского экспорта, согласования на максимально выгодных для Китая финансовых условиях и реализации различных инфраструктурных проектов, связывающих СУАР, страны региона и другие рынки.

В-третьих, в политико-стратегическом плане, на фоне растущей конфронтации Китая с США, для Пекина, как и для Москвы, принципиальное значение имеет превращение соседней Центральной Азии в регион, свободный от «дестабилизирующего» воздействия Вашингтона. Это включает неприятие размещения американских военных баз или иного военного присутствия США в регионе, вмешательства во внутриполитические процессы в странах Центральной Азии, навязывания проамериканских внешнеполитических установок странам региона по разным международным вопросам.

С учетом интересов России в Центральной Азии и значения российского вектора для китайской дипломатии для Пекина важным вопросом является согласование взаимных интересов с Москвой. Хотя в продвижении своих интересов в Центральной Азии Китай делает ставку на двусторонний уровень отношений (или с большим количеством участников, но под конкретный проект, например строительство трубопроводов), Пекин стал инициатором создания Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), включающей Россию и четыре из пяти стран региона. По мере развития ШОС стала организацией с компетенцией развивать сотрудничество (без союзнических обязательств) в сферах политики и безопасности.

Так как китайская экономика обладает большими конкурентными преимуществами, интеграция в форме зоны свободной торговли стала значимым инструментом китайской экономической дипломатии в разных регионах мира [10]. Китайская дипломатия также предприняла попытку выстроить через ШОС интеграционные отношения со странами Центральной Азии в области экономики, однако инициатива Пекина создать зону свободной торговли ШОС не нашла поддержки России, которой не нужен еще один инструмент экономической экспансии Китая в Центральной Азии. Также не нашло поддержки России предложение Ки-

тая учредить в рамках ШОС Фонд развития. В свою очередь, Китай не принял российское предложение создать Энергетический клуб ШОС.

Ограниченная компетенция ШОС в области экономики будет развиваться как минимум в двух направлениях. Во-первых, расширяется кооперация стран ШОС в транспортной сфере. В январе 2017 г. вступило в силу Соглашение стран ШОС о создании благоприятных условий для международных автомобильных перевозок. В 2019 г. была утверждена концепция взаимодействия железнодорожных администраций государств – членов ШОС [11]. Во-вторых, страны ШОС обсуждают механизмы содействия взаимной торговле по таким направлениям, как упрощение таможенных процедур, сокращение таможенных формальностей, связанных с импортом, экспортом и транзитом товаров, повышение транспарентности и развитие сотрудничества пограничных органов, в том числе таможи, ускорение перемещения, выпуска и таможенной очистки товаров [12].

В целом в последние годы интерес КНР к ШОС заметно падает. Об этом свидетельствует расширение состава ШОС, которое неизбежно ведет к «разрыхлению» организации и снижению ее эффективности. В 2018 г. в ШОС вошли Индия и Пакистан, т.е. страны, имеющие острые двусторонние противоречия. Кроме того, проблемными являются отношения между Китаем и Индией. В 2021 г. было принято решение о включении Ирана, который находится в острой конфронтации с США.

Новой концептуальной рамкой китайской политики в Центральной Азии стала озвученная в 2013 г. инициатива «Один пояс, один путь», нацеленная на дальнейшее развитие в Евразии экономических коридоров (транспортная инфраструктура, упрощенные условия торговли и инвестиций и т.п.) с участием и в интересах Китая. Данная инициатива предполагает не создание какой-либо большой евразийской зоны свободной торговли или иного, более глубокого, формата интеграции, а гибкий подход в отношениях со странами и объединениями с опорой на дополнительные финансовые инструменты, инициированные Китаем (Азиатский банк инфраструктурных инвестиций, Фонд Шелкового пути). Центральноазиатский регион видится одним из ключевых звеньев экономических коридоров «Пояса и пути».

После инициирования «Пояса и пути» и «Большого Евразийского партнерства» неизбежно встал вопрос о возможности, механизмах согласования между Россией и Китаем реализации данных проектов, включая трек отношений ЕАЭС–Китай. В октябре 2019 г. вступило в силу соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве между ЕАЭС и Китаем. Данное соглашение не является договором о режиме свободной торговли, в отличие от уже подписанных или проектируемых соглашений ЕАЭС с другими странами. Вместо этого оно нацелено на упрощение экономического сотрудничества и охватывает вопросы таможенного сотрудничества, технических барьеров в торговле, санитарных и фитосанитарных мер, мер торговой защиты, вопросы электронной торговли, интеллектуальной собственности, конкуренции и государственных закупок, а также отраслевого сотрудничества [13].

Европейский союз

В силу географической удаленности, культурно-исторических отличий, скромной роли в мировой экономике и других факторов страны Центральноазиатского региона стоят последними в ряду приоритетов Европейского союза среди бывших советских республик. Тем не менее Центральная Азия уже давно является объектом общей политики Евросоюза с учетом следующих интересов стран ЕС.

Во-первых, экономические интересы ЕС сфокусированы на обеспечении доступа европейских компаний к добыче энергоресурсов стран региона и диверсификации путей их экспорта на рынок стран ЕС, минуя территорию России. После создания нефтепровода Баку–Тбилиси–Джейхан, открытого для экспорта центральноазиатской нефти, главной целью Евросоюза стало строительство транскаспийского газопровода, который позволил бы экспортировать туркменский газ из региона через Южный Кавказ и Турцию в Европу. Определенный интерес для европейских экспортеров и инвесторов также представляют другие природные ресурсы региона (уран, редкоземельные металлы, золото), как направления экспорта товаров и услуг – емкий рынок Казахстана и реформируемый рынок Узбекистана.

Во-вторых, в области безопасности Евросоюз заинтересован в укреплении внутренних и международных механизмов противодействия поставкам наркотиков из Афганистана транзитом через Центральную Азию, а также в поддержке приоритетов западной коалиции в отношении Афганистана. Значение имеют и задачи сдерживания на территории стран региона других транснациональных угроз (радикальный исламизм, терроризм, массовая нерегулируемая миграция и т.д.), но не в такой степени, как в других «горячих» регионах мира.

Стратегически же в интересах ЕС поддержание политической автономии стран Центральной Азии по отношению к внерегиональным державам – потенциальным гегемонам (Россия, Китай). Такая политическая автономия считается залогом обеспечения интересов ЕС в области экономики, безопасности и поддержки позиции ЕС, стран Запада в целом, по другим международным вопросам. С другой стороны, развитие европейского вектора международных связей стран Центральной Азии рассматривается как условие обеспечения их внешнеполитической самостоятельности, экономического развития, поддержания социально-политической стабильности, сохранения светских режимов, внедрения международных и европейских норм регулирования в различных областях.

Как известно, Европейский союз является не военно-политическим блоком, но глубоким интеграционным объединением, которое проводит дифференцированную политику интеграции с различными странами и объединениями. Например, постсоветским государствам – участникам «Восточного партнерства» в обмен на проевропейскую ориентацию во внешних связях и инкорпорирование еэсовского законодательства в национальное были предложены форматы зоны свободной торговли, безвизового режима для краткосроч-

ных поездок. В отношении же стран Центральной Азии Евросоюз не считает возможным распространение интеграционных механизмов взаимодействия. Вместо этого ЕС всегда делал ставку на поддержку внутрирегиональной и межрегиональной (с участием других соседних стран, но не России) кооперации и – потенциально – интеграции в различных областях через программы технической, экономической помощи и дипломатию (проекты и программы ТРАСЕКА, ИНОГЕЙТ, БОМКА, КАДАП, различные форматы в сферах водопользования и энергетики).

Из-за сложностей в отношениях между странами Центральной Азии региональная компонента Евросоюза имела ограниченное влияние и не подстегнула экономическую интеграцию внутри региона. Потенциально Казахстан, с учетом размеров экономики, уровня развития законодательства и институтов, мог бы стать участником зоны свободной торговли с ЕС, но Астана вступила в Таможенный, а затем Евразийский экономический союз [14]. Страны ЕС отказались признавать ЕАЭС в качестве партнера, позднее между Европейской комиссией и Евразийской экономической комиссией был налажен активный диалог только на техническом уровне. В отношении ШОС, ОДКБ Евросоюз продолжает занимать позицию наблюдателя.

Региональная компонента текущей политики Евросоюза в Центральной Азии на институциональном уровне включает ежегодные встречи министров иностранных дел в формате ЕС–Центральная Азия, Диалог высокого уровня ЕС–Центральная Азия по вопросам политики и безопасности на уровне замминистров иностранных дел. В соответствии с действующей стратегией ЕС в Центральной Азии, принятой странами ЕС в июне 2019 г. [15], приоритетами региональной повестки Евросоюза для региона являются следующие аспекты:

1. Поддержка центральноазиатских кооперационных механизмов в сферах окружающей среды, водных ресурсов, изменения климата, энергетики, борьбы с наркотрафиком, управления границами, упрощения условий торговли и др. Евросоюз очень позитивно оценивает запуск с 2018 г. формата саммитов лидеров стран Центральной Азии.

2. Политика интеграции Афганистана в диалог и региональные программы, реализуемые совместно Евросоюзом и странами Центральной Азии, поддержки трехсторонних проектов ЕС с участием Афганистана и стран региона. Например, Европейский инвестиционный банк, автономное агентство ЕС, выделил 140 млн евро на проект строительства сети для экспорта электрической энергии из Кыргызстана и Таджикистана в Афганистан и Пакистан (проект CASA-1000) [16]. Захват власти в Афганистане движением «Талибан», безусловно, делает крайне проблематичными дальнейшие усилия в этом направлении.

3. Обеспечение интеграции инфраструктуры Центральноазиатского региона в сферах транспорта, энергетики, цифровых сетей с инфраструктурой Европы в рамках еэсовской политики «связанности Европы и Азии» (Euro-Asian connectivity). В частности, ставится задача связать трансевропейские транспортные коридоры

ры с сетью в Центральной Азии через Южный Кавказ и другие региональные сети. Данная задача понимается как часть усилий по сопряжению трансевропейских транспортных коридоров в том числе с китайской инициативой «Пояса и пути» и созданию сухопутных транспортных связей по линиям Запад–Восток и Север–Юг, прежде всего на основе работы программы «Центральноазиатское региональное экономическое сотрудничество», которая объединяет все страны Центральной Азии, Грузию, Азербайджан, Монголию, Афганистан, Пакистан, Китай [17].

США

Американская политика в отношении интеграционных процессов в Центральной Азии является отражением стратегической заинтересованности США в отрыве региона от России и Китая – ключевых соперников США на международной арене. Основными элементами этой политики являются: противодействие инициативе «Один пояс, один путь»; резко негативная оценка Евразийского экономического союза, противодействие вступлению Узбекистана в ЕАЭС; игнорирование попыток Организации Договора о коллективной безопасности инициировать диалог с НАТО, подрыв потенциала ОДКБ через развитие двусторонних военных и военно-технических связей со странами Центральной Азии, прежде всего Казахстаном и Узбекистаном; поддержка проекта «Лазуритовый коридор», призванного перенаправить торговые потоки из Центральной Азии в сторону Турции; поддержка региональной активности Индии, Японии, арабских государств Персидского залива, направленная на диверсификацию внешнеполитических и внешнеэкономических связей центральноазиатских государств, ослабление их связей с Россией и Китаем; развитие формата «С5 + 1» (создан в 2015 г.), в частности через запущенную в январе 2021 г. США, Казахстаном и Узбекистаном «Центральноазиатскую инвестиционную платформу».

До захвата движением «Талибан» власти в Афганистане в августе 2021 г. постоянным элементом политики США в Центральной Азии был акцент на усилении взаимосвязанности Центральной и Южной Азии и роли Афганистана как «моста», соединяющего два региона. Этот элемент появился в американской политике в апреле 2006 г. в качестве реакции на выдворение американской военной базы из Узбекистана и разворот Ташкента к активному сотрудничеству с Россией и Китаем; его теоретическое, историческое и стратегическое обоснование было дано в концепции «Большой Центральной Азии», разработанной ведущим американским специалистом по региону Ф. Старром [18]. В 2006–2008 гг. в американских официальных документах даже фигурировал тезис об «интеграции» Центральной и Южной Азии, впоследствии замененный на более скромный термин «взаимосвязанность» [19, 20]. В рамках курса на усиление «взаимосвязанности» Центральной и Южной Азии США поддержали проект CASA-1000, профинансировали строительство автомобильного моста через реку Пяндж, способствовали строительству железной дороги Хайратон–Мазари–

Шариф, поддерживали проект газопровода Туркменистан–Афганистан–Пакистан–Индия.

Администрация Дж. Байдена пока не сформулировала новых программных установок в отношении Центральной Азии. Большинство экспертов полагают, что будет продолжен курс предыдущей администрации, и содержание немногочисленных официальных заявлений представителей новой администрации, посвященных центральноазиатской политике Вашингтона, подтверждает эту оценку. Маловероятно, что будет пересмотрен программный документ «Стратегия США в Центральной Азии на 2019–2025 гг.» [21]. Безусловно, будут сохранены формат «С5 + 1», встречи в рамках Соглашения о торговле и инвестициях 2004 г., двусторонние диалоговые механизмы, запущенные в 2009 г.

Тем не менее, по нашей оценке, следует ожидать ряда существенных подвижек в политике США в регионе, связанных с расстановкой приоритетов в конфронтации с Россией и Китаем. Как известно, администрация Байдена определила Китай в качестве главного противника США и сделала ряд шагов, которые можно проинтерпретировать как проявление стремления прекратить наращивание напряженности в американо-российских отношениях. Умножилось число публикаций, исходящих от американских аналитиков, в которых администрации рекомендуется сделать акцент на подрыве российско-китайского партнерства через «подкуп» России набором уступок и «бонусов». Однако в реальности следует ориентироваться на развитие событий в следующем ключе: попытка подрыва российско-китайского партнерства через «подкуп» России окажется несостоятельной; политика усиления давления на КНР не принесет осязаемых результатов, но обернется заметными экономическими издержками; в этой связи администрация США, которой к тому же на фоне «афганского провала» понадобятся скорые внешнеполитические успехи, примет решение сделать Россию как более слабое звено коалиции «Москва–Пекин» направлением главного удара. Дестабилизация России и лишение ее внешнеполитических позиций в ключевых для российской безопасности регионах будут рассматриваться как «ключ» к демонтажу всей связки «России–КНР».

Соответственно, можно ожидать активизации политики США в Центральной Азии, направленной на подрыв позиций России в регионе. Будут предприняты следующие шаги: интенсификация отношений с Казахстаном и Узбекистаном, для которой будет вброшена и начнет реализовываться идея об организации первого в истории визита в регион президента США; усиление поддержки националистических сил в Казахстане, которым будет рекомендовано переключиться с преимущественно антикитайской на преимущественно антироссийскую тематику; активное раскручивание в казахстанских СМИ и соцсетях тематики «убыточности» для Казахстана членства в ЕАЭС; усиление поддержки проамериканской фракции в руководстве Узбекистана, наращивание давления на президента Ш.М. Мирзиёева с целью отказаться от вступления Узбекистана в ЕАЭС, увеличение финансовых вливаний в Узбекистан; подрыв политической стабильности

в Кыргызстане через делегитимизацию президентства С.Н. Жапарова (показательно, что Д. Лу, назначенный в госдепартаменте главой Управления по Южной и Центральной Азии, будучи послом в Бишкеке, в декабре 2020 г. публично заявил о существовании в Кыргызстане «преступной империи» [22]); предложение посреднических услуг в разрешении противоречий между странами Центральной Азии; попытка активного вовлечения в центральноазиатскую политику Индии как проводника американских интересов, несущая для США дополнительное преимущество в виде подрыва российско-индийских отношений и ШОС; давление на Японию с целью побудить Токио увеличить финансовую помощь странам региона, расходуемую на курируемые американской стороной проекты.

Следует подчеркнуть, что администрация США поддерживает рабочие контакты с движением «Талибан», и тезис об усилении «взаимосвязанности» Центральной и Южной Азии, вероятно, будет вновь использован в американской риторике и практике. Таким образом, влияние США на интеграционные процессы в Центральной Азии является негативным. Вашингтон подрывает существующие интеграционные форматы, предлагая взамен небольшие, точечные проекты и не подкрепленный реальными ресурсами и не реализуемый в условиях войны в Афганистане мегапроект «Большой Центральной Азии». Хотя поспешный вывод американских войск из Афганистана и крах правительства А. Гани снизит влияние США в регионе, американских ресурсов вполне достаточно для оказания дестабилизирующего воздействия на ситуацию в Центральной Азии, в том числе через торможение и подрыв реализуемых в регионе интеграционных проектов.

Япония

В 2004 г. Япония предложила центральноазиатским странам дополнить двусторонние отношения многосторонним форматом, получившим название «Диалог “Центральная Азия плюс Япония”». В августе 2004 г., после консультаций, проведенных министром иностранных дел Японии Й. Кавагучи в столицах стран региона, в Астане состоялась первая встреча нового форума на уровне глав внешнеполитических ведомств. По замыслу японской дипломатии, многосторонний диалог был призван прежде всего содействовать развитию в Центральной Азии внутрирегионального сотрудничества по модели, реализуемой странами Юго-Восточной Азии; при этом Токио подчеркнул, что Япония не преследует в регионе «эгоистичных целей» и ориентируется на долгосрочные, достижимые в перспективе 10–20 лет, результаты [23. Р. 143].

Диалог «Центральная Азия плюс Япония» был продолжен в ходе серии совещаний старших должностных лиц министерств иностранных дел стран-участниц и второй министерской встречи, проведенной в Токио в июне 2006 г. Итогом токийской встречи стало принятие Плана действий, предусматривающего, что стороны будут развивать политический диалог, способствовать расширению экономического сотрудничества, налажат контакты между экспертными сообществами

(«интеллектуальный диалог»), культурный и образовательный обмен. Основной раздел документа был посвящен развитию в Центральной Азии, при содействии Японии, внутрирегионального сотрудничества по широкому спектру направлений, в том числе в борьбе с терроризмом и наркотрафиком, в социальной, торгово-инвестиционной, водно-энергетической, транспортной и экологической сферах, предотвращении природных катастроф. Японская сторона подчеркнула, что Токио намерен способствовать подключению к региональному сотрудничеству Афганистана и Пакистана, выразив, таким образом, солидарность с американской стратегией форсированного развития связей между странами Центральной и Южной Азии [24].

В последующие годы диалог «Центральная Азия плюс Япония» начал утрачивать интенсивность: явная неготовность центральноазиатских стран к внутрирегиональной кооперации лишала японскую дипломатию возможности сыграть взятую на себя роль «катализатора» этого процесса. Третья министерская встреча (впервые с участием Туркменистана) состоялась только в 2010 г., последующие – в 2012, 2014, 2017, 2019 и 2020 гг.

В целом японской дипломатии удалось поставить на прочную основу регулярный политический диалог с центральноазиатскими странами и «заработать» благоприятную репутацию в регионе, подтверждаемую результатами социологических исследований. Япония признается экспертами страной, успешно проецирующей в Центральную Азию «мягкую силу» через реализацию проектов образовательного, научного, культурного сотрудничества со странами региона, взаимодействие в сферах экологии, рационального использования водных ресурсов, развития сельского хозяйства. В то же время Япония долгое время намеренно проводила линию на «деполитизацию» отношений со странами Центральной Азии, стратегически оставаясь в тени американской дипломатии. Переход к более активной внешней политике в Центральной Азии, начавшийся в последние годы в рамках общего пересмотра внешнеполитического курса Токио, потребует широкого использования Японией экономических и традиционных политических инструментов воздействия, создания альянсов и коалиций. Наиболее вероятным представляется «проецирование» на Центральную Азию модели трехстороннего взаимодействия, реализуемой Японией, США и Индией в Юго-Восточной Азии.

Турция

Во второй половине 2000-х гг., после нескольких лет временного ослабления интереса к Центральной Азии, турецкое руководство вновь заговорило о создании «Тюркского Содружества», призванного способствовать экономическому и культурному развитию тюркских народов, содействовать миру и стабильности и более эффективно отстаивать интересы тюркских государств в международных организациях. Создание в 2009 г. Совета сотрудничества тюркоязычных государств (ССТГ) явилось своего рода заявкой Анкары на реализацию собственного интеграционного про-

екта в Центральной Азии. Недавний саммит ССТГ, состоявшийся в марте 2021 г. в формате видеоконференции, подтвердил серьезность турецких намерений: в частности, были достигнуты договоренности о переименовании ССТГ и его трансформации в полноформатную международную организацию, о создании Тюркского интеграционно-инвестиционного фонда и образовательного фонда «Великие тюрки» [25].

Турецкий интеграционный проект опирается на ряд весомых предпосылок: общее культурное наследие и языковая близость Турции и тюркоязычных государств региона; образ Турции как в целом экономически успешного, современного государства, сочетающего традицию и модернизацию; значительный военный потенциал Турции; активность турецкого бизнеса в странах Центральной Азии, высокий уровень турецко-казахстанских отношений, интенсивно развивающиеся в последние годы турецко-узбекистанские и турецко-туркменские отношения; высокая плотность гуманитарных, образовательных, человеческих контактов между Турцией и тюркоязычными государствами; уже достигнутый исключительно высокий уровень взаимодействия с Азербайджаном (при явной лидирующей роли Анкары); успешное участие Турции в карабахской войне 2020 г., повысившее авторитет Анкары в тюркском мире и открывшее реальную перспективу открытия транспортного коридора в Турцию через Армению и Нахичевань [26]; успешное посредничество Анкары в разрешении многолетнего туркменско-азербайджанского спора о принадлежности каспийского нефтяного месторождения «Сердар» («Достлук»); наличие в политических, экономических, культурных элитах стран региона значительных протурецких лобби.

В то же время турецкий интеграционный проект имеет ряд существенных ограничителей, которые пока перевешивают сильные стороны и препятствуют его реализации: экономический кризис в Турции, нарастание социально-политических проблем в стране, грозящих дестабилизировать правящий режим; проявление в турецкой политике неоосманистских тенденций, вызывающих неприятие в странах Центральной Азии; настроенное отношение к пантюркистским проектам русскоязычного населения Казахстана; распыление в целом весьма ограниченных ресурсов Турции на целый ряд направлений внешней политики, нарастание напряженности в отношениях Турции с соседями и ведущими союзниками (США и ключевыми странами ЕС); ухудшение турецко-китайских отношений, в том

числе в связи с критикой Анкарой действий китайского руководства в Синьцзяне; неровные, имеющие значительный конфликтный потенциал турецко-российские отношения.

Турецкий интеграционный проект, слабо совместимый с интеграцией в рамках ЕАЭС и идущий вразрез с интересами Китая, будет ограничиваться в ближайшей перспективе сферами политической риторики и гуманитарного взаимодействия. Однако турецкий проект ориентирован на долгосрочную перспективу: стагнация либо неудача евразийской интеграции и (или) нарастание противоречий между странами Центральной Азии и Китаем повысят его конкурентоспособность.

Заключение

Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы. Степень влияния России на интеграционные процессы в Центральной Азии является высокой, характер влияния – углубление интеграции в ЕАЭС, расширение ЕАЭС, консолидация ОДКБ. Степень влияния Китая является высокой, характер влияния – фактическое втягивание стран региона в сферу экономического притяжения Китая. Степени влияния ЕС и Японии являются соответственно низкой и крайне низкой, характер влияния этих акторов – стимулирование внутрирегиональных интеграционных импульсов.

Степень влияния США является средней, характер влияния – подрыв российскоцентричных проектов и противодействие расширению влияния Китая. Степень влияния Турции является средней, с тенденцией к повышению, характер влияния – формирование Тюркского Союза.

В целом в Центральной Азии разворачивается конкуренция интеграционных проектов, инициированных внерегиональными акторами. Степень взаимодополнительности интеграционных проектов остается, несмотря на вступление в силу соглашения о торгово-экономическом сотрудничестве между ЕАЭС и КНР, низкой. Конкуренция интеграционных проектов создает угрозу «гашения» интеграционных импульсов и стагнации регионального экономического и политического сотрудничества. Однако конкурентная ситуация создает и пространство возможностей для внесения в повестку дня межгосударственных отношений в Центральной Азии интеграционных проектов, разработанных в самих странах региона.

ЛИТЕРАТУРА

1. Buzan B., Waever O. *Regions and Powers: The Structure of International Security*. Cambridge et al. : Cambridge University Press, 2003. 564 s.
2. Buzan B., Waever O., de Wilde J. *Security: A New Framework for Analysis*. Boulder, CO : Lynne Rienner Publishers, 1998. 239 s.
3. Российская военная инфраструктура в Центральной Азии // Коммерсантъ Власть. 2017. 17 июня. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3328655> (дата обращения: 05.11.2021).
4. Итоги экспорта России 2020 // Российский экспортный центр. URL: https://www.exportcenter.ru/upload/Анализ_экспорта_2020.pdf (дата обращения: 05.11.2021).
5. Россия, Таджикистан и Узбекистан завершили учения на границе с Афганистаном // Коммерсантъ. 2021. 10 авг. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4936931> (дата обращения: 05.11.2021).
6. Путин В.В. Новый интеграционный проект для Евразии – будущее, которое рождается сегодня // Радио «Эхо Москвы». URL: <https://echo.msk.ru/blog/statya/817588-echo/> (дата обращения: 05.11.2021).
7. Пленарное заседание Петербургского международного экономического форума. 17 июня 2016 г. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/52178> (дата обращения: 05.11.2021).

8. Торговые соглашения Евразийского экономического союза // Евразийская экономическая комиссия. URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/act/trade/dotp/Pages/Торговые-соглашения-ЕАЭС.aspx> (дата обращения: 05.11.2021).
9. Статус по переговорным трекам о свободной торговле // Евразийская экономическая комиссия. URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/act/trade/dotp/Pages/Статус-по-переговорным-трекам-о-свободной-торговле.aspx> (дата обращения: 05.11.2021).
10. China FTA network // Ministry of Commerce of the People's Republic of China. URL: <http://fta.mofcom.gov.cn/english/index.shtml> (accessed: 05.11.2021).
11. Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) // Министерство транспорта Российской Федерации. URL: <https://mintrans.gov.ru/activities/69/92> (дата обращения: 06.11.2021).
12. Совместное заявление глав государств-членов Шанхайской организации сотрудничества по упрощению процедур торговли // Секретариат ШОС. URL: <http://rus.sectsc.org/load/442983/> (дата обращения: 06.11.2021).
13. Обзор ключевых положений Соглашения о торгово-экономическом сотрудничестве между Евразийским экономическим союзом и его государствами-членами, с одной стороны, и Китайской Народной Республикой, с другой стороны // Евразийская экономическая комиссия. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/trade/dotp/sogl_torg/Documents/Соглашение%20с%20Китаем/Брошюра%20КНР.pdf (дата обращения: 06.11.2021).
14. Blockmans S., Sahajpal M. The New EU Strategy on Central Asia. Collateral Benefit? // Center for European Policy Studies. URL: <https://www.ceps.eu/the-new-eu-strategy-on-central-asia/> (accessed: 06.11.2021).
15. The EU and Central Asia: New Opportunities for a Stronger Partnership. Brussels, 15.05.2019 // European Union External Action Service. URL: http://eeas.europa.eu/sites/default/files/joint_communication_-_the_eu_and_central_asia_-_new_opportunities_for_a_stronger_partnership.pdf (accessed: 06.11.2021).
16. Financed projects // European Investment Bank. URL: <https://www.eib.org/en/projects/loans/index.htm?q=&sortColumn=loanParts.loanPartStatus.statusDate&sortDir=desc&pageNumber=0&itemPerPage=25&pageable=true&language=EN&defaultLanguage=EN&loanPartYearFrom=2007&loanPartYearTo=2021&orCountries.region=true&countries=KZ&countries=KG&countries=TJ&countries=UZ&orCountries=true&orSectors=true> (accessed: 06.11.2021).
17. CAREC Program // Central Asia Regional Economic Cooperation Program. URL: https://www.carecprogram.org/?page_id=31 (accessed: 06.11.2021).
18. Starr S.F. A 'Greater Central Asia Partnership' for Afghanistan and Its Neighbors. URL: https://www.silkroadstudies.org/resources/pdf/SilkRoadPapers/2005_starr_a-greater-central-asia-partnership.pdf (accessed: 06.11.2021).
19. Boucher R. U.S. Policy in Central Asia: Balancing Priorities. Statement to the House International Relations Committee, Subcommittee on the Middle East and Central Asia, April 26, 2006. URL: http://commdocs.house.gov/committees/intlrel/hfa27230.000/hfa27230_of.htm (accessed: 06.11.2021).
20. Blake R. The Obama Administration's Policy on South Asia. Address at the School of Advanced International Studies, Johns Hopkins University, September 9, 2009. URL: <https://2009-2017.state.gov/p/sca/rls/rmks/2009/128753.htm> (accessed: 06.11.2021).
21. United States Strategy for Central Asia 2019-2025: Advancing Sovereignty and Economic Prosperity // US Department of State. URL: <https://www.state.gov/united-states-strategy-for-central-asia-2019-2025-advancing-sovereignty-and-economic-prosperity/> (accessed: 06.11.2021).
22. Ambassador Donald Lu's Remarks at 2020 Internews Streamline Awards // US Embassy in the Kyrgyz Republic. URL: <https://kg.usembassy.gov/ambassador-donald-lus-remarks-at-the-2020-internews-streamline-awards/> (accessed: 06.11.2021).
23. Len Ch. Japan's Central Asian Diplomacy: Motivations, Implications and Prospects for the Region // The China and Eurasia Forum Quarterly. 2005. № 3. P. 127-149.
24. Aso T. Central Asia as a Corridor of Peace and Stability. Speech at the Japan National Press Club, June 1, 2006 // Ministry of Foreign Affairs of Japan. URL: <http://www.mofa.go.jp/region/europe/speech0606.html> (accessed: 06.11.2021).
25. Казахстан выделит 50 грантов для обучения молодежи из тюркских стран // Власть : интернет-журнал. URL: <https://vlast.kz/novosti/44386-kazahstan-vydelit-50-grantov-dla-obuceniya-molodezi-iz-turkskih-stran.html> (дата обращения: 06.11.2021).
26. Заявление Президента Азербайджанской Республики, Премьер-министра Республики Армения и Президента Российской Федерации // Администрация Президента Российской Федерации. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/64384> (дата обращения: 06.11.2021).

Ainur E. Dzhorobekova, Diplomatic Academy of Ministry of Foreign Affairs of Kyrgyz Republic n.a. K. Dikambaev (Bishkek, Kyrgyz Republic). E-mail: donzhora1967@gmail.com

Evgeny F. Troitskiy, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: eft655565@yahoo.com

Sergey M. Yun, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: sergey.yun@mail.tsu.ru

THE IMPACT OF EXTERNAL ACTORS ON ONGOING INTEGRATION PROCESSES IN CENTRAL ASIA

Keywords: Central Asia, integration, Russia, China, European Union, USA, Japan, Turke.

The objective of the research is to determine the nature and degree of influence of key extra-regional actors on the direction and dynamics of integration processes in Central Asia. The paper discusses the influence exerted on regional integration processes by Russia, China, the European Union, the USA, Japan and Turkey. For the analysis, we have taken the policy of the great powers (defined according to the criteria proposed by B. Buzan and O. Waever in the fundamental monograph "Regions and Powers: The Structure of International Security") and the policy of Turkey, which is highly active in Central Asia. The theoretical and methodological basis of the analysis is the theory of regional security complexes and the liberal intergovernmental approach to explaining the processes of interstate integration. The study is based on the analysis of a wide range of sources: official documents, speeches, statements, interviews with officials, news publications – and a significant amount of literature, primarily expert and analytical publications.

The research reached the following conclusions. The degree of Russia's influence on the integration processes in Central Asia is high, the nature of the influence is the deepening of integration in the Eurasian Economic Union (EAEU), the expansion of the EAEU, and the consolidation of the Collective Security Treaty Organization. The degree of China's influence is high, the nature of the influence is the actual pulling of the countries of the region into the sphere of China's economic attraction. China's attempts to initiate integration within the Shanghai Cooperation Organization (SCO) have failed, Beijing's interest in the SCO has been declining in recent years, but the Central Asian region is seen as one of the key links in the Belt and Road economic corridors from China to Europe, the Mediterranean, South Asia, and the Middle East.

The degrees of influence of the EU and Japan are, respectively, low and extremely low, the nature of the influence of these actors is to stimulate intra-regional integration impulses. The degree of US influence is medium, the nature of the influence is undermining Russian-centric projects and counteracting the expansion of China's influence. The degree of Turkey's influence is average, with an upward trend, the nature of the influence is the formation of the Turkic Union.

In general, competition is developing in Central Asia for integration projects initiated by non-regional actors. The degree of complementarity of integration projects remains low, despite the entry into force of the agreement on trade and economic cooperation between the EAEU and China. Competition of integration projects creates the threat of "extinguishing" integration impulses and stagnation of regional economic and political cooperation. However, the competitive situation also creates a space of opportunities for introducing integration projects developed in the countries of the region into the agenda of interstate relations in Central Asia.

REFERENCES

1. Buzan, B. & Waever, O. (2003) *Regions and Powers: The Structure of International Security*. Cambridge et al.: Cambridge University Press.
2. Buzan, B., Waever, O. & de Wilde, J. (1998) *Security: A New Framework for Analysis*. Boulder, CO: Lynne Rienner Publishers.
3. *Kommersant* "Vlast". (2017) Rossiyskaya voennaya infrastruktura v Tsentral'noy Azii [Russian military infrastructure in Central Asia]. 17th June. [Online] Available from: <https://www.kommersant.ru/doc/3328655> (Accessed: 5th November 2021).
4. The Russian Export Center. (2020) *Itogi eksporta Rossii 2020* [Results of Russian exports in 2020]. [Online] Available from: https://www.exportcenter.ru/upload/Analiz_eksporta_2020.pdf (Accessed: 5th November 2021).
5. *Kommersant*". (2021) Rossiya, Tadjikistan i Uzbekistan zavershili ucheniya na granitse s Afganistanom [Russia, Tajikistan, and Uzbekistan have completed exercises on the border with Afghanistan]. 10th August. [Online] Available from: <https://www.kommersant.ru/doc/4936931> (Accessed: 5th November 2021).
6. Putin, V.V. (2011) *Novyy integratsionnyy proekt dlya Evrazii – budushchee, kotoroe rozhdaetsya segodnya* [A new integration project for Eurasia – the future that is being born today]. [Online] Available from: <https://echo.msk.ru/blog/statya/817588-echo/> (Accessed: 5th November 2021).
7. Russia. (2016) *Plenarnoe zasedanie Peterburgskogo mezhdunarodnogo ekonomicheskogo foruma. 17 iyunya 2016 g.* [Plenary session of the St. Petersburg International Economic Forum. June 17, 2016]. [Online] Available from: <http://kremlin.ru/events/president/news/52178> (Accessed: 5th November 2021).
8. The Eurasian Economic Commission. (n.d.) *Torgovye soglasheniya Evraziyskogo ekonomicheskogo soyuza* [Trade agreements of the Eurasian Economic Union]. [Online] Available from: <http://www.eurasiancommission.org/ru/act/trade/dotp/Pages/Torgovye-soglasheniya-EAES.aspx> (Accessed: 5th November 2021).
9. The Eurasian Economic Commission. (n.d.) *Status po peregovornym trekam o svobodnoy torgovle* [The status of negotiation tracks on free trade]. [Online] Available from: <http://www.eurasiancommission.org/ru/act/trade/dotp/Pages/Status-po-peregovornym-trekam-o-svobodnoy-torgovle.aspx> (Accessed: 5th November 2021).
10. Ministry of Commerce of the People's Republic of China. (n.d.) *China FTA network*. [Online] Available from: <http://fta.mofcom.gov.cn/english/index.shtml> (Accessed: 5th November 2021).
11. Ministry of Transport of the Russian Federation. (n.d.) *Shankhayskaya organizatsiya sotrudnichestva (ShOS)* [The Shanghai Cooperation Organization (SCO)]. [Online] Available from: <https://mintrans.gov.ru/activities/69/92> (Accessed: 6th November 2021).
12. The Shanghai Cooperation Organization (SCO). (2018) *Sovmestnoe zayavlenie glav gosudarstv-chlenov Shankhayskoy organizatsii sotrudnichestva po uproshtcheniyu protsedur torgovli* [Joint statement of the heads of the Shanghai Cooperation Organization member states on trade facilitation]. [Online] Available from: <http://rus.sectsc.org/load/442983/> (Accessed: 6th November 2021).
13. The Eurasian Economic Commission. (n.d.) *Obzor klyuchevykh polozheniy Soglasheniya o torgovo-ekonomicheskoy sotrudnichestve mezhdru Evraziyskim ekonomicheskim soyuzom i ego gosudarstvami-chlenami, s odnoy storony, i Kitayskoy Narodnoy Respublikoy, s drugoy storony* [Review of the key provisions of the Agreement on trade and economic cooperation between the Eurasian Economic Union and its member states, on the one hand, and the People's Republic of China, on the other hand]. [Online] Available from: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/trade/dotp/sogl_torg/Documents/Soglashenie%20s%20Kitaem/Broshyura%20KNR.pdf (Accessed: 6th November 2021).
14. Blockmans, S. & Sahajpal, M. (2019) *The New EU Strategy on Central Asia. Collateral Benefit?* [Online] Available from: <https://www.ceps.eu/the-new-eu-strategy-on-central-asia/> (Accessed: 6th November 2021).
15. European Union External Action Service. (2019) *The EU and Central Asia: New Opportunities for a Stronger Partnership*. Brussels, 15th May. [Online] Available from: http://eeas.europa.eu/sites/default/files/joint-communication_-_the_eu_and_central_asia_-_new_opportunities_for_a_stronger_partnership.pdf (Accessed: 6th November 2021).
16. European Investment Bank. (n.d.) *Financed projects*. [Online] Available from: <https://www.eib.org/en/projects/loans/index.htm?q=&sortColumn=loanParts.loanPartStatus.statusDate&sortDir=desc&pageNumber=0&itemPerPage=25&pageable=true&language=EN&defaultLanguage=EN&loanPartYearFrom=2007&loanPartYearTo=2021&orCountries.region=true&countries=KZ&countries=KG&countries=TJ&countries=UZ&orCountries=true&orSectors=true> (Accessed: 6th November 2021).
17. CAREC Program. (n.d.) *Central Asia Regional Economic Cooperation Program*. [Online] Available from: https://www.carecprogram.org/?page_id=31 (Accessed: 6th November 2021).
18. Starr, S.F. (2005) *A 'Greater Central Asia Partnership' for Afghanistan and Its Neighbors*. [Online] Available from: https://www.silkroadstudies.org/resources/pdf/SilkRoadPapers/2005_starr_a-greater-central-asia-partnership.pdf (Accessed: 6th November 2021).
19. Boucher, R. (2006) *U.S. Policy in Central Asia: Balancing Priorities. Statement to the House International Relations Committee, Subcommittee on the Middle East and Central Asia*. April 26. [Online] Available from: http://commdocs.house.gov/committees/intrel/hfa27230.000/hfa27230_of.htm (Accessed: 6th November 2021).
20. Blake, R. (2009) *The Obama Administration's Policy on South Asia. Address at the School of Advanced International Studies, Johns Hopkins University, September 9, 2009*. [Online] Available from: <https://2009-2017.state.gov/p/sca/rls/tmks/2009/128753.htm> (Accessed: 6th November 2021).
21. US Department of State. (n.d.) *United States Strategy for Central Asia 2019–2025: Advancing Sovereignty and Economic Prosperity*. [Online] Available from: <https://www.state.gov/united-states-strategy-for-central-asia-2019-2025-advancing-sovereignty-and-economic-prosperity/> (Accessed: 6th November 2021).
22. US Embassy in the Kyrgyz Republic. (2020) *Ambassador Donald Lu's Remarks at 2020 Internews Streamline Awards*. [Online] Available from: <https://kg.usembassy.gov/ambassador-donald-lus-remarks-at-the-2020-internews-streamline-awards/> (Accessed: 6th November 2021).
23. Len, Ch. (2005) Japan's Central Asian Diplomacy: Motivations, Implications and Prospects for the Region. *The China and Eurasia Forum Quarterly*. 3, pp. 127–149.
24. Aso, T. (2006) *Central Asia as a Corridor of Peace and Stability. Speech at the Japan National Press Club, June 1, 2006*. [Online] Available from: <http://www.mofa.go.jp/region/europe/speech0606.html> (Accessed: 6th November 2021).
25. Vlast.kz. (2021) *Kazakhstan vydelit 50 grantov dlya obucheniya molodezhi iz tyurkskikh stran* [Kazakhstan allocates 50 grants for teaching youth from Turkic countries]. [Online] Available from: <https://vlast.kz/novosti/44386-kazakhstan-vydelit-50-grantov-dla-obuceniya-molodezi-iz-turkskih-stran.html> (Accessed: 6th November 2021).
26. Administration of the President of the Russian Federation. (2020) *Zayavlenie Prezidenta Azerbaydzhanskoj Respubliki, Prem'er-ministra Respubliki Armeniya i Prezidenta Rossiyskoj Federatsii* [Statement of the President of the Republic of Azerbaijan, the Prime Minister of the Republic of Armenia, and the President of the Russian Federation]. [Online] Available from: <http://kremlin.ru/events/president/news/64384> (Accessed: 6th November 2021).